

12 февраля 1912 г. вдовствующая императрица от имени малолетнего императора Пу И издает эдикты об отречении. В одном из эдиктов, в частности, говорилось:

Общее желание ясно выражает Волю Неба, и не нам противодействовать этим желаниям. Мы с императором с нашей стороны сим актом передаем суверенитет народу в целом и заявляем, что конституция отныне будет республиканской, тем самым удовлетворяем требования тех, кто ненавидит беспорядок и желает мира, кто следует учению мудрых, согласно которому Поднебесная принадлежит народу³⁰.

После 267-летнего господства в последних числах года синьхай по традиционному календарю (поэтому революция и называется Синьхайской) рухнула власть маньчжурской династии.

1 января 1912 г. становится днем официального провозглашения Китайской Республики.

Важную роль в становлении Китайской Республики сыграла революционная пресса. Она пропагандировала сунь-ятсеновский принцип национализма, который лежал в основе легитимации национального китайского государства.

Е. Л. Логиновский

*Институт социальных и политических наук
Уральского федерального университета*

Юань в экономике Северной Кореи: новые горизонты сотрудничества КНР и КНДР

Рост экономики КНР, которым характеризуется период после начала политики реформ в 1978 г., со всей очевидностью влияет не только на сам Китай, но и на его соседей. Все страны, граничащие

---

³⁰ Histotime [сайт]. URL: <http://www.histotime.ru/htimes-862-1.html> (дата обращения: 13.07.2014).

с КНР, можно условно объединить в две группы по степени влияния китайского фактора на их экономики. Первая — это страны, имеющие стабильные деловые связи с Китаем, которые благоприятствуют экономическому развитию обеих стран-соседей в более или менее равной степени (Индия, Россия и др.). Ко второй группе относятся страны, не отличающиеся высоким уровнем экономического развития и рассматривающие экономические обмены с КНР как исключительно важный фактор усиления собственных экономик (КНДР, Непал, Мьянма и др.). Экономическое влияние Китая на страны второй группы можно рассматривать в рамках формального и неформального подходов. Последний положен в основу данной статьи, так как позволяет выявить роль неофициального обращения китайского юаня в этих странах; целью настоящей работы является рассмотрение указанного явления на примере Корейской Народно-Демократической Республики.

Одним из примеров неофициального экономического влияния Пекина на пограничные страны может служить ситуация в так называемом «золотом треугольнике», расположенном на стыке границ КНР, Мьянмы и Лаоса. Тем не менее, этот пример не может быть использован для улучшения понимания ситуации в КНДР. Здесь необходимо указать прежде всего на кардинальные различия потенциальных возможностей органов власти тех регионов, где наличествует подпольное хождение юаня: власти Мьянмы и Лаоса, по существу, не способны осуществлять свои полномочия в этих местностях и тем самым вносить изменения в сложившиеся там порядки. В случае с Северной Кореей такая ситуация крайне маловероятна. Власть центрального руководства имеет в республике первостепенное значение, и поэтому невозможно утверждать, что китайская валюта существует в КНДР без ведома властей.

Исследование явления неформального хождения китайского юаня в КНДР способно сделать общую картину китайско-северокорейских экономических связей более полной. Сегодня российские специалисты уверенно делают вывод о том, что с формальной стороны Китай и Южная Корея являются ключевыми партнерами КНДР; яркой иллюстрацией данному выводу служат темпы роста двустороннего сотрудничества КНР и КНДР в 2009—2013 гг.: в течение пяти лет финансовые показатели сотрудничества двух стран возросли с 2,7 млрд

долларов США в 2009 г. до 6,5 млрд долларов США в 2013 г., или в 2,4 раза¹. Как отмечает востоковед, журналист «Российской газеты» Олег Кириянов, Китай в последнее время, особенно начиная с 2007–2008 гг., «неуклонно находится» на первом месте среди торговых и экономических партнеров КНДР². Эти положения полезно дополнить результатами исследований в области неформальных экономических отношений двух стран в целом, а в особенности касательно неофициального обращения китайской валюты.

При изучении неофициальных отношений Китая и Северной Кореи в первую очередь следует обратиться к ситуации с «черным рынком» в КНДР. На неоспоримо высокую значимость нелегального рынка в этой стране указывают зарубежные исследователи. По оценкам группы экономистов из ЕС и США, государство было вынуждено принимать «черный рынок» во внимание уже с начала 1990-х гг.³ В одной из своих недавних статей профессор в области корейских исследований Чарльз Армстронг (США) отмечает, что после начала экономических реформ (1 июля 2002 г.; также известны как «меры от 1 июля») официальный обменный курс северокорейской вон к доллару США был практически уравнен с неофициальным курсом обмена этих валют⁴. Этот пример представляется существенным свидетельством значимости влияния нелегальных процессов и иностранных валют на официальную экономику КНДР.

Невзирая на повышение роли иностранных валют (доллар США, юань, японская йена и евро) в неформальных экономических обменах

¹ См.: Захарова Л. В. Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 94; 朝鲜经济已迎来历史性开放大潮 几乎人人用外币 [Волна исторической открытости в северокорейской экономике: почти все пользуются иностранной валютой] // Sohu.com. 11.09.2014. URL: <http://nk.news.sohu.com/20140911/p404225361.shtml> (mode of access: 01.11.2014).

² Кириянов О. В. Рост экономического влияния Китая на КНДР: есть ли у Сеула повод для беспокойства? // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 133.

³ См.: Noland M., Robinson S., Scatasta M. Modeling Economic Reform in North Korea // J. of Asian Economics. 1997. Vol. 8. No. 1. P. 17.

⁴ См.: Armstrong C. Ideological Introversion and Regime Survival: North Korea's "Our-Style Socialism" // Why Communism Did Not Collapse : Understanding Authoritarian Regime Resilience in Asia and Europe / ed. M. K. Dimitrov. N. Y., 2013. P. 109.

северокорейцев, юань вошел в обиход позже, чем сформировался «черный рынок»⁵. По мнению Кристофера Грина (Великобритания), начало «юанизации» Северной Кореи связано с «мерами от 1 июля»⁶. Составители сборника деловой информации о КНДР на 1999—2001 гг. отмечают, однако, что уже во второй половине 1990-х гг. граждане Северной Кореи, занимавшиеся торговлей на рынках, проводили операции с иностранной валютой, в том числе и юанями, и конвертировали в нее свои заработки⁷. Как отмечается в ежегодном издании Министерства объединения Республики Корея, масштабы обращения китайской валюты в КНДР стали заметно больше спустя несколько лет, а точнее — после 2008 г.⁸ Китайские обозреватели согласны, что валюта КНР стала активнее использоваться в Северной Корее в конце 2000-х гг.; по материалам китайских новостей, юань, как и другие иностранные валюты, приобрел больше популярности у граждан КНДР после денежной реформы 2009 г.⁹

Нелегальные операции с использованием китайского юаня распространены в республике весьма широко. Активнее всего юани используются для расчетов в приграничных с Китаем городах, а также провинциальных центрах, крупных портовых городах, в том числе и относительно далеких от границы¹⁰. Южнокорейские обозреватели утверждают, что 80 % торговых операций у границы КНР и КНДР

⁵ Бизнес с КНДР: экономика и связи с Россией в 1999–2001 гг. Люберцы, 2002. С. 15 ; Eberstadt N. North Korean Money Troubles // The Wall Street J. Jan. 11, 2010. URL: <http://online.wsj.com/articles/SB10001424052748704500104574651090133811018> (mode of access: 26.10.2014).

⁶ Green C. Marketization and Yuanization: Economic Changes in the DPRK // Yonsei J. of Intern. St. 2013. Vol. 5. Iss. 1. P. 114–115.

⁷ Бизнес с КНДР: экономика и связи с Россией в 1999–2001 гг. С. 14–15.

⁸ См.: Understanding North Korea 2012. Seoul : Institute for Unification Education, Ministry of Unification, 2012. P. 209. URL: http://eng.unikorea.go.kr/download.do?filename=40082_201407310942013200.pdf (mode of access: 26.10.2014).

⁹ См.: 朝鲜经济生活新现象: 民众爱用人民币购物 [Новое явление северокорейской экономической жизни: люди предпочитают делать покупки, пользуясь китайскими юанями] // Chinanews.com. 06.06.2013. URL: <http://www.chinanews.com/gj/2013/06-06/4899445.shtml> (mode of access: 26.10.2014).

¹⁰ См.: Green C. Op. cit. P. 118.

осуществляется в китайской валюте, однако в районах, отдаленных от границы, ее используют не столь активно¹¹.

Почему на территории КНДР стали возможны неофициальные расчеты в иностранной валюте? К. Грин полагает, что причиной здесь стало желание граждан республики, накопивших в дореформенные годы достаточно крупные (по местным меркам) суммы наличных денег, избавиться свои накопления от воздействия государства на национальную валюту¹². Рюдигер Франк (Австрия), специалист по обществу и экономике Восточной Азии, замечает: юань, как и другие иностранные валюты, сравнительно более стабилен, чем вона КНДР, что позволяет северокорейцам уберечь запасы наличных денег от воздействия инфляции и прочих негативных проявлений в национальной экономике¹³. Общий итог подводит Дон Ен Сон, старший научный сотрудник Института экономических исследований Самсунг. Он считает, что без использования иностранных валют экономика КНДР может прекратить функционировать¹⁴.

Масштабы распространения китайского юаня в Северной Корее и его значение для этой страны не позволяют недооценивать потенциальные риски данного явления как для самой КНДР, так и для ее соседей по региону — Южной Корее и России. Несомненная опасность для Северной Кореи заключается в постепенной утрате возможности политического маневра (и в особенности в затруднении дальнейшего межкорейского диалога по проблеме объединения страны) на фоне растущей экономической зависимости от КНР, а также в дальнейшем усилении китайского вектора внешнеэкономических связей республики в противовес другим направлениям (например, Южная Корея, Япония, Россия, страны Запада). О. Кирьянов показывает,

¹¹ См.: Border Cities Love Chinese Yuan // Daily NK. Apr. 17, 2013. URL: <http://www.dailynk.com/english/read.php?num=10496&catalId=nk03200> (mode of access: 22.10.2014).

¹² См.: Green C. Op. cit. P. 114–115.

¹³ См.: Frank R. Money in Socialist Economies: The Case of North Korea // The Asia-Pacific J. 2013. Vol. 8. No. 2. Is. 10.

¹⁴ См.: 朝鲜经济生活新现象: 民众爱用人民币购物 [Новое явление северокорейской экономической жизни: люди предпочитают делать покупки, пользуясь китайскими юанями] // Chinanews.com. 06.06.2013. URL: <http://www.chinanews.com/gj/2013/06-06/4899445.shtml> (mode of access: 26.10.2014).

что южнокорейское общество обсуждает подобные перспективы фактически с начала XXI в., и во время этой дискуссии достаточно часто раздаются сигналы беспокойства касательно текущей ситуации в китайско-северокорейских экономических связях¹⁵. Южный сосед КНДР — Республика Корея — также может, как представляется, оказаться в ситуации, при которой возможность эффективного диалога по объединению страны будет значительно менее вероятна в силу того, что население Севера как формально, так и неформально окажется прочнее связано с Китаем, нежели с населением Юга.

Нелегальное обращение юаня в КНДР также способно отрицательно повлиять на динамику развития российско-северокорейских экономических связей. Несмотря на позитивные шаги, сделанные обеими сторонами в 2013–2014 гг., Россия, насколько это представляется сегодня, не сможет избежать конкуренции с Китаем на пути выстраивания деловых отношений с северокорейцами, и одним из препятствий здесь является, без сомнения, ограниченность участия России в экономическом развитии КНДР. При сравнении масштабов и динамики делового сотрудничества между Москвой и Пекином, с одной стороны, и Пхеньяном — с другой, можно заметить, что 1990-е гг. стали периодом охлаждения отношений обеих сторон, однако в XXI в. Китай системно и многосторонне развивал связи с Северной Кореей, причем как в официальном, так и в неофициальном измерениях; контакты же России и КНДР в новом веке не отличались частотой, а сотрудничество — разнообразием форм и величиной финансовых показателей.

Положение китайского юаня в КНДР в будущем не представляется подверженным каким-либо коренным изменениям. Экономическая модель республики испытала значительные преобразования в ходе реформ, осуществленных при Ким Чен Ире и сменившем его Ким Чен Ыне. Повышение значения рыночных элементов в экономике заставило жителей КНДР сохранять свои сбережения в иностранной валюте, и изменение текущего положения вещей крайне маловероятно.

---

¹⁵ См.: *Кирьянов О. В.* Указ. соч. С. 135–137, 140.